ISSN 2500-1442

Научная статья
УДК 343.2
EDN ZSNTZB
DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).607-615

ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО (ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ): ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРИЗНАКИ

К.В. Ображиев
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
19 июня 2026 г.

Дата принятия к публикации
26 октября 2026 г.

Дата онлайн-размещения
25 ноября 2026 г.

Ключевые слова

Признаки преступного сообщества; преступное сообщество; преступная организация; организованная группа; формы соучастия; статья 210 УК РФ

Аннотация. Поиск критериев отграничения преступного сообщества от «простой» организованной группы, как правило, осуществляется в рамках догматической методологии, с акцентом на формально-юридические признаки исследуемой формы соучастия (структурированность, цель). При этом на периферии уголовно-правовых исследований оказались принципиально значимые проблемы, связанные с общественной опасностью создания и функционирования преступных сообществ, механизмом их деструктивного воздействия на общественную безопасность, хотя без их предварительного решения определить содержание указанных в законе признаков преступного сообщества (преступной организации) невозможно.

В статье доказывается, что признаки преступного сообщества нельзя рассматривать в отрыве от состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. А потому процесс установления признаков преступного сообщества предполагает, помимо прочего, оценку общественной опасности конкретной организованной преступной группы (объединения организованных групп) и ее способности причинять вред объекту, взятому под охрану ст. 210 УК РФ. В практическом плане это означает, что структурированная организованная группа (объединение организованных групп) может претендовать на статус преступного сообщества (преступной организации) только в том случае, если эта группа (объединение групп) угрожает не только отдельным правоохраняемым ценностям (отношениям собственности, здоровью населения, общественной нравственности, интересам государственной службы и т.п.), ставших мишенью запланированных или фактически совершенных преступлений, но и создает угрозу для общественной безопасности в целом, выступая тем самым в качестве криминального источника опасности для неопределенного круга физических и юридических лиц

Для цитирования. Ображиев К.В. Преступное сообщество (преступная организация): имплицитные признаки / К.В. Ображиев. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).607-615. — EDN ZSNTZB // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 5. — С. 607–615.

Original article

CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION): IMPLICIT CHARACTERISTICS

Konstantin V. Obrazhiev
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2026 June 19

Accepted
2026 October 26

Available online
2026 November 25

Abstract. Search for the criteria to distinguish between a criminal community and a "simple" organized group is, as a rule, carried out within the framework of dogmatic methodology with an emphasis on formal legal features of the type of complicity under analysis (structure, goal). At the same time, the essential problems of the public danger associated with the creation and functioning of criminal communities, and the mechanism of their destructive influence on public security ended up on the periphery of criminal law studies, although the presence of the characteristics of criminal community (criminal organization) specified in the law cannot be determined without solving these problems first.

The authors prove that characteristics of a criminal community cannot be studied separately from the crime provided for in Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC of the RF). Due to this, the process of establishing the characteristics

© Ображиев К.В., 2026

ISSN 2500-1442

Keywords

Characteristics of a criminal community; criminal community; criminal organization; organized group; forms of complicity; Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation

of a criminal community presupposes, among other things, the assessment of the degree of public danger posed by a specific organized criminal group (union of organized groups) and its ability to inflict harm on the object protected under Art. 210 of the CC of the RF. In practice, it means that a structured organized group (union of organized groups) could qualify for the status of a criminal community (criminal organization) only if this group (a union of groups) threatens not only separate values protected by law (property relationships, public health, public morals, interests of state service, etc.), who became targets of planned or actual crimes, but also poses danger to public security in general, thus acting as a criminal source of danger for an unidentified group of physical and juridical persons.

For citation. Obrazhiev K.V. Criminal Community (Criminal Organization): Implicit Characteristics. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 5, pp. 607–615. (In Russian). EDN: ZSNTZB. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(5).607-615.

В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В уголовно-правовой доктрине неоднократно предпринимались попытки систематизировать признаки преступного сообщества, раскрыть их содержание, выделить критерии отграничения преступного сообщества от «простой» организованной группы. При этом поиск соответствующих критериев и их анализ, как правило, осуществлялись в рамках догматической методологии, с акцентом на формально-юридические признаки исследуемой формы соучастия (структурированность, цель), вследствие чего научная дискуссия оказалась сфокусированной на безусловно важных, но преимущественно частных вопросах (минимальная численность преступного сообщества, показатели функциональной и территориальной обособленности его структурных подразделений, специфика экономического преступного сообщества и т.п.). В результате на периферии уголовно-правовых исследований оказались принципиально значимые проблемы, связанные с общественной опасностью создания и функционирования преступных сообществ, механизмом их деструктивного воздействия на общественную безопасность, хотя без их предварительного решения определить содержание указанных в законе признаков преступного сообщества (преступной организации) невозможно.

В качестве отправной точки для уголовно-правовой характеристики преступного сообщества (преступной организации) обычно выступает известный тезис о том, что указанная преступная группа представляет собой наиболее опасную форму соучастия. Однако этот тезис, как правило, остается без дополнительных пояснений. Между тем пояснения здесь будут совсем не лишними.

Начнем с того, что в Особенной части УК РФ не предусмотрена ответственность за создание «простой», т.е. неструктурированной организованной группы, даже если эта группа нацелена на совершение тяжких или особо тяжких преступлений для извлечения материальной выгоды. По общему правилу создание такой группы расценивается как приготовление к соответствующему тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 6 ст. 35 УК РФ). А если цель организованной группы достигнута и преступление совершено, это преступление квалифицируется по соответствующей статье Особенной части УК РФ (с соответствующим групповым квалифицирующим признаком), но при этом организационная деятельность дополнительной уголовно-правовой оценки не требует.

Самостоятельная ответственность за организационно-управленческую криминальную деятельность, выраженную в создании организованной группы и (или) руководстве ею, предусмотрена лишь в особых случаях. Действующий УК РФ предусматривает специальные основания ответственности за создание семи видов криминальных объединений: террористического сообщества (ст. 205.4 УК РФ); террористической организации (ст. 205.5 УК РФ); незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ); банды (ст. 209 УК РФ); преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК РФ); диверсионного сообщества (ст. 281.3 УК РФ); экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ). Таким образом, преступное сообщество (преступная организация)

находится в ряду криминальных объединений, само существование которых представляет, с точки зрения законодателя, угрозу общественной и государственной безопасности, что вынуждает использовать экстраординарные инструменты уголовно-правового противодействия, позволяющие применять жесткие репрессивные меры за сам факт создания преступного сообщества, руководство им и участие в нем.

Статья 210 УК РФ, выступающая в качестве нормативного основания для раннепревентивного уголовно-правового воздействия на руководителей и участников преступного сообщества, по сути дела, криминализует создание условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений с целью получения материальной выгоды, т.е. приготовление sui generis. Причем эта норма признает приготовительную деятельность самостоятельным оконченным преступлением, устанавливая за нее внушительные санкции: для создателей и руководителей преступного сообщества (его структурных подразделений или входящих в него организованных групп) в ч. 1 ст. 210 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет, а для участников преступного сообщества — лишение свободы на срок от 7 до 10 лет.

С точки зрения классической теории уголовного права разумно объяснить столь существенные различия в основаниях и пределах уголовной ответственности за создание «обычной» организованной группы и преступного сообщества можно только с позиции несовпадающей общественной опасности указанных криминальных объединений. Законодатель презюмирует, что общественно опасный потенциал преступного сообщества существенно превосходит опасность организованной группы. Причем различия в общественной опасности рассматриваемых групп имеют не только количественное, но и качественное измерение, ведь создание преступного сообщества, помимо прочего, оказывает деструктивное воздействие на общественную безопасность (непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ), чего не происходит (по крайней мере, в представлении законодателя) при создании «простой» организованной группы.

В научной литературе механизм деструктивного воздействия преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, на общественную безопасность детально не раскрывается. Как правило, исследователи ограничиваются ссылками на то, что эти преступные деяния «создают угрозу причинения вреда основным объектам уголовно-правовой охраны (личности, собственности, порядку управления и т.д.)» [1], «наносят ущерб двум составляющим общественной безопасности: подрывают деятельность правоохранительной системы по обеспечению общественной безопасности, наносят урон как уровню защищенности граждан и общества, так и осознанию гражданами их защищенности» [2, с. 4], «оказывают влияние на жизнедеятельность относительно широких масс населения» [3, с. 7]. Однако отмеченная широта диапазона криминального воздействия, как представляется, сама по себе не способна объяснить качественно более высокую общественную опасность преступного сообщества, ведь эта характеристика применима не только к преступным сообществам (да и то далеко не ко всем), но и ко многим организованным группам, что не выводит их на уровень более опасной формы соучастия.

Сопоставление предписаний ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ приводит к выводу о том, что различие «простой» организованной группы и преступного сообщества заключается их в структурном строении: преступное сообщество предполагает трехуровневую иерархию (первый уровень — руководитель (руководители) преступного сообщества в целом; второй уровень — руководители отдельных структурных подразделений или организованных групп; третий уровень — рядовые участники преступного сообщества) [4, с. 265], тогда как для организованной группы, как правило, характерно двухуровневое иерархическое строение (руководитель группы и ее рядовые участники). Именно различия в структурном построении рассматриваются доктриной и практикой в качестве базового критерия отграничения преступного сообщества (преступной организации) от «обычной» организованной группы[1], в подтверждение чему можно

[1] В специальных исследованиях указывается, что «количество иерархических звеньев — не менее трех — может послужить формализованным критерием, отличающим ОПГ от ОПС» [5, с. 48]; «обычная организованная группа если и обладает иерархичностью, то исключительно двухуровневой (простой): руководитель (высший уровень), исполнитель (низший уровень)» [6]. Разделяет этот подход и Верховный Суд Российской Федерации, указывая, что «преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой…» (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»).

привести десятки научных статей, посвященных обсуждению структуры преступного сообщества, и сотни судебных решений по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ, в которых позиции сторон нацелены главным образом на обоснование и опровержение признака структурированности криминальной группы.

Правоприменительные органы, да и многие представители научного сообщества руководствуются следующей логикой: если организованная группа имеет в своем составе структурные подразделения, подчиняющиеся единому руководителю, то при наличии указанных в ч. 4 ст. 35 УК РФ целевых установок она соответствует всем признакам преступного сообщества. Между тем абсолютизация структурного строения преступной группы представляется не вполне оправданной, ведь само по себе усложнение структурного строения организованной группы еще не делает ее преступным сообществом. Учитывая содержание объекта преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, можно заключить, что *криминальное объединение становится преступным сообществом только при условии, что сам факт его функционирования нарушает общественную безопасность*, а для того, чтобы констатировать угрозу этому важнейшему правоохраняемому объекту, одной структурированности недостаточно.

По признанию специалистов, «угроза общественной безопасности, возникающая при создании и функционировании того или иного преступного сообщества, заключается в том, что, во-первых, это институт, неподконтрольный обществу и обладающий механизмами защиты от общественного контроля; во-вторых, свои институциональные возможности преступное сообщество использует не в соответствии с интересами всего социума, а вопреки им; и, в-третьих, преступное сообщество обладает возможностями осуществлять противоправную деятельность на долговременной основе и в крупных масштабах» [7]. Было бы ошибкой, непозволительным упрощением считать, что преступная группа автоматически создает отмеченные угрозы исключительно вследствие усложнения своего иерархического строения. Усложнение структуры организованной группы далеко не во всех случаях находится в прямой корреляции с ее общественной опасностью: после появления новых структурных элементов криминогенный потенциал группы может остаться на прежнем уровне и даже снизиться, если структурные изменения не вызывались необходимостью и оказались дисфункциональными. Например, формирование структурных подразделений в преступной группе может стать следствием конфликта между ее участниками, для разрешения которого руководитель группы распределяет функциональные обязанности или разграничивает территорию криминальной деятельности между конфликтующими сторонами. Формально такую группу можно считать структурированной (по признаку наличия функционально или территориально обособленных структурных подразделений), но от произошедших структурных трансформаций общественно опасный потенциал группы ничуть не увеличился, угрозы для общественной безопасности в целом не возникло.

Не изменяется общественная опасность организованной группы и вследствие технического перераспределения ролей между соучастниками. Если в организованной группе, созданной из числа работников крупного склада для систематического хищения товарно-материальных ценностей, к легализации и сбыту похищенного имущества будет привлечен уволенный с работы на складе соучастник, который ранее непосредственно осуществлял хищения (при том, что изначально в соответствии с распределением ролей этим занимался только один участник группы), то формально организованная группа приобретет признаки структурированности (есть подразделение похитителей, появилось подразделение сбытчиков). Но от этого общественная опасность группы не выйдет за рамки вреда, причиняемого в результате хищений и легализации преступных доходов, не перейдет на качественно новый уровень.

Уголовно-значимые угрозы для общественной безопасности возникают в тех случаях, когда организованная преступная группа (объединение организованных групп): приобретает способность к консолидации криминальной среды; становится точкой притяжения для лиц, желающих получить криминальные материальные выгоды, источником создания и поддержания неформальных норм и обычаев, центром разрешения возникающих конфликтов, поддерживает строгую дисциплину; оказывает влияние на муниципальные органы, органы региональной и федеральной власти, инкорпорирует в них своих представителей либо вовлекает в свой состав должностных лиц; распространяет свое влияние на значительные территории (районы, населенные пункты) или секторы экономики; создает

материально-техническую и информационную инфраструктуру («общак», формируемый из доходов от преступной деятельности, из вносов участников преступной группы, современное техническое оснащение, средства связи, программное обеспечение и т.п.), обеспечивающую развитие преступного сообщества; формирует отлаженные механизмы (в том числе коррупционные), позволяющие преодолевать (обходить) правоохранительные барьеры и осуществлять масштабную преступную деятельность.

При наличии указанных индикаторов (в том или ином сочетании), описанных в отечественной [8; 9] и зарубежной [10–12] литературе, деструктивный потенциал организованной группы выходит на качественно новый уровень, не ограничиваясь вредоносным воздействием на общественные отношения, ставшие объектом конкретных преступных посягательств (отношения собственности, здоровье населения, интересы государственной или муниципальной службы и т.п.). Функционирование такой преступной группы создает реальную угрозу общественной безопасности в целом, что позволяет рассматривать ее как источник повышенной опасности, «проявление свойств которого способно повлечь самые разнообразные и сложно прогнозируемые последствия» [4, с. 384–385], как «злокачественное новообразование», которое угрожает всему социальному организму.

Причем отмеченные свойства нельзя считать прямым или косвенным следствием усложнения структуры организованной группы. Как правило, связь здесь обратная: для распространения криминального влияния, проникновения во властные структуры, дальнейшего развития материальной базы группы требуется сложная иерархическая структура, что дает импульс для структурной трансформации группы.

Надо признать, что вышеизложенные рассуждения об общественной опасности преступного сообщества и специфике объекта преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, воспринимаются практиками исключительно как абстрактные теоретические тезисы, пригодные лишь для объяснения потребности в криминализации организационно-управленческой деятельности, но не имеющие прикладного значения. Правоприменитель вспоминает об объекте преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, в крайне редких случаях, когда необходимо обосновать излишнюю, по мнению стороны обвинения, мягкость наказания, назначенного осужденному[2]. В рамках процессуальных баталий обвинения и защиты, возникающих в связи с установлением признаков преступного сообщества, объект преступления даже не упоминается.

Между тем недооценка содержания непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, представляется совершенно неоправданной. Признаки преступного сообщества нельзя рассматривать в отрыве от состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. В отрыве от ст. 210 УК РФ предписания ч. 4 ст. 35 УК РФ лишены ценности. Их главное и, по большому счету, единственное предназначение состоит в «обслуживании» ст. 210 УК РФ[3]. А потому *процесс установления признаков преступного сообщества предполагает, помимо прочего, оценку общественной опасности конкретной организованной преступной группы (объединения организованных групп) и ее способности причинять вред объекту, взятому под охрану ст. 210 УК РФ*.

В практическом плане это означает, что структурированная организованная группа (объединение организованных групп) может претендовать на статус преступного сообщества (преступной организации) только в том случае, если эта группа (объединение групп) угрожает не только отдельным правоохраняемым ценностям (отношениям собственности, здоровью населения, общественной нравственности, интересам государственной службы и т.п.), ставших мишенью запланированных или фактически совершенных преступлений, но и создает угрозу для общественной безопасности в целом, выступая тем самым в качестве криминального источника опасности для неопределенного круга физических и юридических лиц.

[2] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2026 г. № 81-УДП26-1-К8.

[3] Э.В. Трузян справедливо отмечает, что «определение, содержащееся в ч. 4 ст. 35 УК РФ, не учитывается законодателем ни в качестве нормативной модели при конструировании усеченных составов преступлений, объективная сторона которых заключается в создании «сообществ» или «организаций» (ст. 205.4, 282.1, 205.5, 282.2 УК РФ), ни при формулировании «групповых» квалифицирующих признаков иных статей Особенной части УК РФ». Учитывая же, что ч. 4 ст. 35 УК РФ связана только со ст. 210 УК РФ, автор предлагает исключить дефиницию преступного сообщества из ст. 35 УК РФ, сохранив при этом ответственность за его создание в ст. 210 УК РФ [13, с. 10].

ISSN 2500-1442

Следует отметить, что нормативное определение преступного сообщества (преступной организации) в первоначальной редакции ч. 4 ст. 35 УК РФ содержало указание на сплоченность, причем для характеристики сплоченности преступного сообщества использовались как раз те самые криминологические критерии, свидетельствующие о способности сообщества создавать угрозу для общественной безопасности. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 в качестве индикаторов сплоченности преступного сообщества (преступной организации) назывались «наличие организационно-управленческих структур, общей материально-финансовой базы, образованной в том числе из взносов от преступной и иной деятельности, иерархии, дисциплины, установленных ими правил взаимоотношения и поведения участников преступного сообщества и т.д.», «…планирование преступной деятельности на длительный период, подкуп и другие коррупционные действия, направленные на нейтрализацию представителей правоохранительных и иных государственных органов» (п. 3)[4].

Законодатель, как известно, исключил указание на сплоченность из нормативного определения преступного сообщества (преступной организации), добавив при этом признак структурированности (Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ). Однако это не означает, что перечисленные характеристики преступного сообщества утратили свое уголовно-правовое значение. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации положения ст. 35 УК РФ, определяющие формы соучастия, «направлены на обеспечение дифференциации ответственности за преступления в зависимости от степени сплоченности участвующих в их совершении лиц»[5]. Такой же позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации, указывая, что «в ст. 35 УК РФ предусмотрены формы совершения групповых преступлений, которые отличаются между собой по степени сплоченности, внутренней организованности, способами связи внутри системы»[6]. Таким образом, можно заключить, что сплоченность участников преступной группы выступает универсальным признаком для всех форм соучастия в преступлении: они отличаются друг от друга не наличием или отсутствием сплоченности (как можно было заключить из первоначальной редакции ст. 35 УК РФ), а степенью сплоченности[7].

В преступном сообществе (преступной организации) сплоченность участников группы достигает наивысшего уровня (некоторые суды характеризуют этот уровень как «повышенную сплоченность»[8]). В судебной практике показателями (критериями) столь высокого уровня сплоченности, характерного для преступного сообщества (преступной организации), считаются: наличие общей накопительной кассы (так называемого «общака»), в которой аккумулируются деньги на развитие преступного сообщества; распределение криминальных доходов между участниками группы согласно их иерархии; коррупционные связи; строгая дисциплина, предполагающая специальный подбор лиц в качестве членов преступной группы, неукоснительное выполнение участниками преступного сообщества указаний его руководителей, наличие криминальных правил поведения, применение мер «взыскания» за их несоблюдение, невозможность самостоятель-

[4] О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 10.06.2008 г. № 8 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77774. Утратило силу.

[5] Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2007 г. № 606-О-О, от 29.01.2009 г. № 57-О-О, 21.05.2015 г. № 1131-О, от 19.07.2016 г. № 1631-О, от 28.09.2017 г. № 2165-О, от 25.04.2024 г. № 878-О, от 25.06.2024 г. № 1494-О и др.

[6] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2023 г. № 5-УДП22-155-К2; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2019 г. № 33-АПУ19-16. Эта позиция воспроизводится и нижестоящими судами (см.: кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2025 г. по делу № 77-67/2025).

[7] Отмечая это обстоятельство, Д.В. Шиханов пишет: «…сплоченность представляет из себя основной критерий, который позволяет проводить дифференциацию между формами соучастия. Иными словами, она присутствует в любой из форм, но ее степень проявляет себя по-разному. В простой группе лиц данный признак будет минимальным, в то время как в преступном сообществе (преступной организации) он будет проявлять себя в максимальной степени» [14].

[8] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2023 г. № 77-1693/2023.

ного (по своему усмотрению) выхода членов преступного сообщества из его состава без неблагоприятных для себя последствий[9].

Отсутствие вышеуказанных характеристик служит основанием для вывода о том, что преступная группа не достигла той степени сплоченности, которая отличает преступное сообщество. Этот устойчивый подход подтверждается практикой кассационных судов общей юрисдикции:

– соглашаясь с выводом нижестоящих судов об отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, Первый кассационный суд общей юрисдикции отметил, что «…доказательства не подтверждают… наличие общей материально-финансовой базы, складывающейся из денежных средств, полученных в результате совершения преступлений, общей накопительной кассы, в которой бы аккумулировались денежные средства на развитие преступного сообщества»[10];

– прекращая уголовное дело в части обвинения по статье 210 УК РФ, Пятый кассационный суд общей юрисдикции мотивировал принятое решение следующим образом: «…осужденные… являлись рядовыми розничными «закладчиками» наркотических средств… Какого-либо специального отбора не существовало. Не приведены в приговоре и данные о мерах воздействия на «закладчиков» в случае каких-либо нарушений дисциплины, а также чинимые им препятствия при желании прекратить преступную деятельность и меры воздействия за это»[11];

– Шестой кассационный суд общей юрисдикции указал, что «преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой, внутренней дисциплиной с беспрекословным подчинением по вертикали, единых и жестких правилах взаимоотношения и поведения с санкциями за нарушение негласного неписанного устава общества, совместном планировании участия в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, совместном выполнении иных действий, связанных с функционированием сообщества, вливанием в легальный бизнес, поддержанием связей с коррумпированными сотрудниками правоохранительных и других государственных органов, наличием организационно-управленческих структур и общей материально-финансовой базы сообщества, образованной, в том числе из взносов преступной деятельности»[12];

– Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, соглашаясь с выводами судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, констатировал, что «явно выраженных признаков преступного сообщества (организационно-управленческие функции, общая материально-финансовая база, образованная от взносов преступной и иной деятельности, иерархии, дисциплины, сплоченности и так далее), по настоящему делу не установлено»[13].

Таким образом, можно констатировать наличие устойчивой судебной практики, связывающей наличие признаков преступного сообщества не только с его сложным структурным строением (наличием структурных подразделений или организованных групп, действующих под единым руководством), но и с высочайшим уровнем сплоченности группы, которая определяется ее криминологическими (по выражению Г.А. Есакова, «мафиозными» [15, с. 86–87]) характеристиками (строгая дисциплина, преступная субкультура, наличие «общака», коррумпированных связей, сращивание с легальным бизнесом и т.п.).

В уголовно-правовой доктрине вышеизложенная судебная трактовка признаков пре-

[9] См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2009 г. № 57-О09–17; определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.09.2010 г. № 46-О10-54; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2012 г. № 84-О12-16; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2023 г. № 19-УД23-30-А3; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2024 г. № 46-УД24-25-А4; апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 26.05.2023 г. № 55-309/2023; апелляционное определение Волгоградского областного суда от 30.03.2026 г. по делу № 22-897/2026 и др.

[10] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.08.2023 г. № 77-3920/2023.

[11] Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2022 г. № 77-1183/2022. См. также: кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 г. № 77-409/2024, 77-695/2024.

[12] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2024 г. № 77-161/2024.

[13] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2025 г. № 77-3546/2025.

ступного сообщества оценивается весьма неоднозначно. Одни специалисты усматривают здесь отступление от уголовного закона, полагая, что суды, используя применительно к ст. 210 УК РФ криминологические критерии сплоченности, перечисленные ранее в постановлении Пленума от 10 июня 2008 г. № 8, «выходят за рамки ч. 4 ст. 35 УК РФ (в редакции ФЗ от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ) и приписывают преступной организации признаки, не указанные ни в уголовном законе, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г.» [16]. Другие исследователи полагают, что вышеуказанные признаки преступного сообщества, непосредственно не упомянутые в ч. 4 ст. 35 УК РФ, имеют дополнительный, факультативный характер, подчеркивая при этом, что для признания группы преступным сообществом необходимыми и достаточными являются основные признаки, прямо указанные в ч. 4 ст. 35 УК РФ, тогда как наличие дополнительных признаков, прямо не указанных в ч. 4 ст. 35 УК РФ, «лишь с вероятностью, а не с необходимостью свидетельствует о преступном сообществе» [6]. А некоторые представители уголовно-правовой науки признают, что выработанные в судебной практике требования к преступному сообществу характеризуют признак сплоченности, который сохраняет обязательный характер: «сама по себе структурированность объединения недостаточна для признания его преступным сообществом, сплоченность же объясняет повышенную общественную опасность преступного сообщества, заключающуюся в консолидации криминальной среды» [17].

Наиболее убедительной выглядит последняя позиция, однако и она требует важных уточнений. Во-первых, рассматриваемые криминологические характеристики преступного сообщества характеризуют не сплоченность этого криминального объединения так таковую, а высочайший уровень его сплоченности (напомним, что высшие суды — Конституционный и Верховный — признают сплоченность универсальным признаком всех форм соучастия, полагая, что они отличаются степенью сплоченности). А во-вторых, нужно особо отметить, что обязательность этих криминологических характеристик (конечно же, не всех одновременно, а в том или ином сочетании) обусловлена спецификой объекта преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ: угрозу для общественной безопасности представляет только такая структурированная организованная группа (объединение организованных групп), которая имеет общую материально-финансовую базу, коррупционные связи, основана на жесткой дисциплине, строгих правилах поведения участников, предпринимает усилия для вхождения в органы власти, для нейтрализации правоохранительного контроля.

Завершая статью, констатируем, что проблема разграничения преступного сообщества и «обычной» организованной группы не может быть решена только на основании признаков, указанных в ст. 35 УК РФ. Ключом к разрешению этой проблемы являются рассмотренные выше имплицитные (скрытые, неочевидные) признаки преступного сообщества, которые определяются спецификой непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чучаев А.И. Организация преступного сообщества или участие в нем / А.И. Чучаев, А.В. Шеслер. — EDN NXCAPB // Lex Russica (Русский закон). — 2011. — Т. 70, № 2. — С. 329–340.

2. Овчинникова Г.В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» от 10 июня 2010 года № 12 / Г.В. Овчинникова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. — 32 с.

3. Козловская М.Г. Преступное сообщество: сравнительный криминолого-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Г. Козловская. — Омск, 2021. — 23 с.

4. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. — Москва : РГУП, 2019. — 507 с.

5. Брсоян В.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью / В.А. Брсоян, А.А. Крюков. — EDN PIFHBN // Сибирский юридический вестник. — 2004. — № 3. — С. 47–51.

6. Токманцев Д.В. Признаки преступного сообщества / Д.В. Токманцев. — EDN XGTASD // Уголовное право. — 2016. — № 5. — С. 69–77.

7. Агапов П. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью / П. Агапов // СПС КонсультантПлюс. — 2013. — URL: https://z-library.ec/book/zXOVpgqGyb/.

8. Репецкая А.Л. Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России / А.Л. Репецкая. — Москва : Юрлитинформ, 2010. — 191 с. — EDN QRSSTB.

9. Долгова А.И. Организованная преступность и борьба с ней как проблема обеспечения национальной безопасности / А.И. Долгова // Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности : материалы Всерос. конф., Москва, 22–23 янв. 2019 г. — Москва, 2019. — С. 3–15.

10. Abadinsky H. Organized Crime / H. Abadinsky. — 11th ed. — Cengage Learning, 2016. — 480 p.

11. Wright A. Organized Crime / A. Wright. — Willan Publ., 2006. — 256 p.

12. Albanese Jay S. Organized Crime: From the Mob to Transnational Organized Crime / Jay S. Albanese. — Routledge, 2015. — 417 p.

13. Трузян Э.В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э.В. Трузян. — Краснодар, 2019. — 28 с.

14. Шиханов Д.В. Сплоченность организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) как центральный вопрос правоприменительного дискурса по уголовным делам соответствующей категории / Д.В. Шиханов. — EDN VHSLHJ // Прагматика гуманитарного знания: социально-правовые и философские аспекты : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 25—26 апр. 2025 г. — Иркутск, 2025. — С. 307–313.

15. Есаков Г.А. Конститутивные признаки структурного подразделения преступного сообщества / Г.А. Есаков. — EDN QHFRBJ // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2024. — № 3(101). — С. 82–87.

16. Попов В.А. К вопросу о толковании понятия «преступное сообщество (преступная организация)» / В.А. Попов. — EDN WCKPMX // Российский следователь. — 2016. — № 12. — С. 43–45.

17. Данилов Д.О. Отличие преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы / Д.О. Данилов. — DOI 10.52390/20715870_2024_6_3. — EDN XTJLJU // Уголовное право. — 2024. — № 6. — С. 3–13.

REFERENCES

1. Chuchaev A.I., Shesler A.V. The Organization of a Criminal Community or Participation in it: Legislative Definition of Structure of the Crime, its Judicial and Doctrinal Interpretation and Application Practice. *Lex Russica*, 2011, vol. 70, no. 2, pp. 329–340. (In Russian). EDN: NXCAPB.

2. Ovchinnikova G.V. *Comment to the Decree of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation "On Court Practice of Hearing Criminal Cases of the Organization of a Criminal Community (Criminal Organization), or Participation in it" of June 10 2010, No 12.* Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation Publ., 2011. 32 p.

3. Kozlovskaya M.G. *Criminal Community: A Comparative Criminological-Legal Analysis. Cand. Diss. Thesis*. Omsk, 2021. 23 p.

4. Pudovochkina Yu.E. (ed.). *Complicity in Crime: Problems of Qualification and Allocation of Punishment.* Moscow, RGUP Publ., 2019. 507 p.

5. Brsoyan V.A., Kryukov A.A. Criminal Law Measures of Fighting Organized Crime. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2004, no. 3, pp. 47–51. (In Russian). EDN: PIFHBN.

6. Tokmantsev D.V. The Elements of a Criminal Society. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 5, pp. 69–77. (In Russian). EDN: XGTASD.

7. Agapov P. Crimes against Public Security Connected with Organized Criminal Activities. *SPS «Konsul'tantPlyus»*. 2013. URL: https://z-library.ec/book/zXOVpgqGyb.

8. Repetskaya A.L. *Organized Crime. Shadow Economy. Criminal Market of Russia.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 191 p. EDN: QRSSTB.

9. Dolgova A.I. Organized Crime and its Counteraction as a Problem of Ensuring National Security. *Counteracting Manifestations of Organized Crime and Provision of National Security. Materials of All-Russian Conference, Moscow, January 22–23. 2019*. Moscow, 2019, pp. 3–15. (In Russian).

10. Abadinsky H. *Organized Crime*. 11th ed. Cengage Learning, 2016. 480 p.

11. Wright A. *Organized Crime*. Willan Publ., 2006. 256 p.

12. Albanese Jay S. *Organized Crime: From the Mob to Transnational Organized Crime*. Routledge, 2015. 417 p.

13. Truzyan Eh.V. *Organized Group under Russian Criminal Legislation: Concept, Types, Liability. Cand. Diss. Thesis*. Krasnodar, 2019. 28 p.

14. Shikhanov D.V. Cohesion of an Organized Group and Criminal Community (Criminal Organization) as a Central Issue in the Law Enforcement Discourse on Criminal Cases of the Corresponding Category. *The Pragmatics of Humanitarian Knowledge: Socio-Legal and Philosophical Aspects. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, April 25–26, 2025.* Irkutsk, 2025, pp. 307–313. (In Russian). EDN: VHSLHJ.

15. Esakov G.A. Constitutive Features of a Structural Unit of a Criminal Community. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutors Office of the Russian Federation*, 2024, no. 3, pp. 82–87. (In Russian). EDN: QHFRBJ.

16. Popov V.A. Revisiting Interpretation of the Notion "Criminal Community" (Criminal Organization). *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 12, pp. 43–45. (In Russian). EDN: WCKPMX.

17. Danilov D.O. Distinguishing a Criminal Community (Criminal Organization) from an Organized Group. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 6, pp. 3–13. (In Russian). EDN: XTJLJU. DOI: 10.52390/20715870_2024_6_3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ображиев Константин Викторович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1, okv79@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-8399-3799, SPIN-код: 2505-31075.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Obrazhiev, Konstantin V. — Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL), 9, Bld. 1, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 123242, the Russian Federation, okv79@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-8399-3799, SPIN-Code: 2505-3107.